

МАКСИМ БУГОРСКИЙ

СНТ «РАССВЕТ» · ПРОТОКОЛ № 412 · КВОРУМ ИМЕЕТСЯ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

РОМАН

18+

Максим Бугорский

Председатель

<https://litres.ru/74558977>

SelfPub; 2026

Аннотация

Архитектор высоконагруженных систем выгорает и покупает шесть соток в подмосковном СНТ «Рассвет», чтобы наконец побыть в тишине. Через сорок минут сосед объясняет ему про забор, к вечеру его без спроса добавляют в чат на четыреста двенадцать человек, через две недели он чинит насос куском велосипедной камеры, а к концу лета становится кандидатом в председатели — против своей воли. В бухгалтерии товарищества есть «Статья ноль», в водонапорной башне что-то гудит, а решения общего собрания подозрительно точно повторяются в новостях страны.

Через пять с половиной недель.

Сатирический роман о власти в масштабе шести соток: о графике полива, чате как парламенте, доверенностях, которые шестьдесят девять лет присылают из Ташкента и Риги, заборах, которые нельзя трогать, и старухе с первого участка, которая всё знает и молча полет грядку.

Содержание

Об издании	4
Часть первая. Межа	5
Глава 1. Шесть соток	5
Глава 2. Взносы	26
Глава 3. Вода	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Максим Бугорский

Председатель

Об издании

МАКСИМ БУГОРСКИЙ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Роман

18+

© Максим Бугорский, 2026

Дизайн обложки создан с использованием нейросети Claude (Anthropic).

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения правообладателя.

Все персонажи, организации и населённые пункты в этой книге вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

Часть первая. Межа

Глава 1. Шесть соток

Я купил шесть соток, чтобы побыть одному. Это была первая ошибка в моей архитектуре, и, как это обычно бывает с первыми ошибками, я обнаружил её только в продакшене.

Участок номер двести тринадцать в СНТ «Рассвет» стоял как подержанная иномарка и выглядел примерно так же: снаружи прилично, внутри всё требует замены. Щитовой домик цвета выцветшего хаки, яблоня, которую посадил кто-то, кто давно умер, и забор — серый, покосившийся, со следами семи разных красок, как годовые кольца на срезе дерева. Риелтор сказал, что забор «исторический». Я тогда не понял, что он не шутит.

До этого я двенадцать лет строил системы, которые не имеют права падать. Платёжный шлюз, через который в пиковые часы проходило сорок тысяч транзакций в секунду. Сервис уведомлений, который будил по утрам двадцать миллионов человек. Распределённое хранилище на трёх дата-центрах, спроектированное так, чтобы пережить потерю любого из них, а при некотором везении — и двух. Я умел думать о том, что будет, если всё пойдёт не так. Это и называется архитектурой: заранее представлять себе катастрофу

и раскладывать под неё подушки.

Про себя я так думать не умел.

В феврале, на ретроспективе квартала, я поймал себя на том, что смотрю на график задержек нашего главного сервиса и не понимаю, что на нём изображено. Не в смысле «не понимаю причину» — в смысле не понимаю, что это за линии, почему они цветные и зачем на них смотрят пятнадцать взрослых людей. Я смотрел на график, как, наверное, смотрит на него собака: видишь, что что-то есть, но не знаешь, что с этим делать. Через неделю это повторилось. Через две я написал заявление на длинный отпуск без сохранения. Руководитель подписал его не читая, с тем выражением лица, с каким подписывают больничный коллеге, который давно и громко кашляет.

Мне нужна была тишина. Без уведомлений, без дежурств, без мониторинга. Я хотел место, где ничего не происходит, — и, как человек, всю жизнь проектировавший системы, честно считал, что такое место можно найти.

Я нашёл его на «Авито», в разделе «Дачи, коттеджи», с фильтром «до двух миллионов». Объявление было короткое: «СНТ „Рассвет“, Дмитровский р-н, 6 сот., дом, свет, вода по графику. Тихо». Последнее слово решило всё.

* * *

Сделку оформили в МФЦ за двадцать минут. Продавец — сухонький мужчина лет семидесяти в старом пиджаке с орденской планкой — всё время молчал, расписывался, где по-

казывали, и только когда сотрудица поставила последнюю печать, вдруг посмотрел на меня долгим взглядом и сказал:

— Вы забор не трогайте.

— Что? — спросил я.

— Забор, — повторил он. — Не трогайте. Не красьте, не ставьте новый. Пусть стоит.

— Почему?

Он подумал, как будто решал, сколько можно сказать.

— Он там давно, — сказал он наконец. — Он знает, где стоять.

И ушёл, не попрощавшись. Риелтор, провожая меня к машине, пожал плечами и сказал, что у пожилых людей бывают странности, особенно когда продают дачу, которая полвека была в семье. Я кивнул. Это было разумное объяснение. Я всегда предпочитаю разумные объяснения.

* * *

«Рассвет» оказался в сорока минутах от Дмитрова, если ехать по трассе, и в часе пятнадцати, если ехать по навигатору, который был уверен, что через лес есть короткая дорога. Короткой дороги через лес не было. Была грунтовка с колеями глубиной в полколеса, на которой мой кроссовер, рассчитанный на московские бордюры, вёл себя как первокурсник на первом экзамене — нервно и с ошибками.

Потом лес кончился, и я увидел шлагбаум.

Шлагбаум был выкрашен в красно-белую полосу — когда-то, видимо, ярко, а теперь розово-серую, как старая

зубная паста. Рядом стояла будка: деревянная, с маленьким окошком, с антенной на крыше, с ведром у двери и с табличкой «Пост охраны. Въезд по пропускам». Над будкой на шесте висел флаг. Не государственный — свой. Зелёное полотнище, на нём жёлтое солнце, наполовину поднявшееся над чем-то, что могло быть горизонтом, а могло быть грядкой.

Шлагбаум был опущен. Я посигналил. Ничего не произошло. Я посигналил ещё раз. Из будки донёсся лай — низкий, ленивый, без злобы, с той интонацией, с какой лают собаки, которые слишком хорошо знают своё место в иерархии, чтобы тратить силы на незнакомцев.

Потом дверь открылась, и вышел сторож.

Ему было лет шестьдесят пять, может, семьдесят. Высокий, сутулый, в камуфляжной куртке, тельняшке и резиновых сапогах. Седая щетина, светлые, очень внимательные глаза, папироса в углу рта. За ним, не торопясь, вышла овчарка — старая, с седой мордой, с одним разорванным когда-то ухом. Она села у ног хозяина и посмотрела на мою машину так, как смотрят на погоду.

Сторож подошёл к водительскому окну. Я опустил стекло.

— Двести тринадцатый? — спросил он, прежде чем я успел что-то сказать.

— Да. Откуда вы...

— Здесь все знают, — сказал он. — Михалыч. Игнат Михайлович, если по-полному, но по-полному здесь никто не зовёт. Это Пират.

Пират, услышав своё имя, моргнул.

— Артём, — сказал я.

— Знаю, — сказал Михалыч. — Воронов Артём Сергеевич, тридцать шесть лет, программист. Москва, Хорошёвка.

Я посмотрел на него.

— Откуда вы это знаете?

— Правление передало, — сказал Михалыч, пожав плечами. — Как оформились — так и передали. Здесь так. Кто въехал — того знать надо.

Он не торопился поднимать шлагбаум. Он стоял, опираясь на дверцу моей машины, курил и смотрел куда-то поверх крыши, в сторону леса.

— Двести тринадцатый десять лет продать не могли, — сказал он вдруг.

— Мне говорили, что прежний хозяин прожил там полжизни.

— Прожил, — согласился Михалыч. — А продать не мог. Покупатели приезжали — и уезжали. То дождь, то машина сломается, то передумают. Десять лет. А тут вы — и сразу.

— Повезло, — сказал я.

Михалыч посмотрел на меня. Глаза у него были светлые и спокойные, и в них было что-то, чего я не мог прочесть. Не насмешка, не подозрение. Скорее интерес. Так смотрят на новую деталь, которую поставили в старый механизм, — встанет или нет.

— Может, и повезло, — сказал он. — Проезжай.

Он махнул рукой, и шлагбаум поднялся — сам, без всякой видимой команды, со скрипом, похожим на вздох. Я так и не понял, как он это сделал. Пульта у него в руках не было.

* * *

Улицы в «Рассвете» назывались линиями. Первая линия, вторая, третья — до двенадцатой. Мой участок был на седьмой. Я ехал медленно, потому что быстро ехать было нельзя: грунтовку пересекали «лежачие полицейские», сделанные, судя по всему, из шпал, и каждый был выше предыдущего, как будто кто-то проверял, сколько может выдержать подвеска.

По обе стороны тянулись заборы. Я никогда не видел столько разных заборов в одном месте. Штакетник, деревянный и пластиковый. Сетка-рабица, ржавая и новая, оцинкованная. Профлист — зелёный, коричневый, бордовый, синий, под дерево, под камень. Кирпич. Бетонные плиты с узором «под ёлочку». Шифер. Старые двери, поставленные в ряд. Кровати с панцирными сетками. Один забор целиком состоял из автомобильных покрышек, выкрашенных в белый цвет и поставленных друг на друга, как колонна.

Заборы были главным, что я увидел в «Рассвете» в первый день. Дома за ними прятались, участки прятались, люди прятались. А заборы стояли, каждый по-своему, как будто это и было самое важное: не то, что за ними, а сама граница.

Я тогда записал это в заметки на телефоне, по старой привычке фиксировать наблюдения о системе: «Основной ар-

хитектурный элемент — периметр. Внутреннее устройство вторично». Позже я много раз перечитывал эту запись. Она оказалась точнее, чем я думал.

* * *

Участок двести тринадцать выглядел точно так же, как на фотографиях, только меньше. Шесть соток — это, оказывается, очень мало. Двадцать на тридцать метров. Меньше, чем серверная на нашем третьем этаже. Домик, сарай, яблоня, две грядки, заросшие чем-то высоким и лопоухим, туалет в дальнем углу и забор.

Забор вблизи оказался ещё старше, чем издалека. Штакетины были набиты на поперечины в разное время разными гвоздями — я насчитал как минимум четыре вида, от квадратных кованых до современных оцинкованных. Слои краски отслаивались, и под зелёной была голубая, под голубой — коричневая, под коричневой — снова зелёная, другого оттенка. Местами штакетины были заменены, местами — подпёрты. В одном месте забор чуть изгибался, огибая что-то невидимое, хотя с обеих сторон ничего не было — ровная земля.

Я открыл калитку. Она скрипнула. Я вошёл и закрыл её за собой.

Было тихо.

Нет, не так. Было не тихо — было *иначе*. Где-то лаяла собака. Где-то работала газонокосилка. Где-то играло радио — шансон, хриплый мужской голос пел про что-то, что он

потерял навсегда. Шумели листья на яблоне. Жужжала муха. Но это был другой шум — не городской. В городе шум был сплошным, как белый фон, и его переставали замечать. Здесь каждый звук был отдельным, и у каждого был источник, и источник можно было найти.

Я сел на ступеньки домика. Посидел. Подумал, что впервые за много месяцев не знаю, сколько сейчас времени, и это меня не беспокоит.

Это длилось сорок минут.

* * *

Сосед появился ровно через сорок минут после того, как я открыл калитку. Ровно столько, по моим позднейшим наблюдениям, занимает в «Рассвете» распространение любой новости от шлагбаума до последнего участка. Это быстрее, чем синхронизация между нашими дата-центрами в Москве и Новосибирске при пиковой нагрузке. Я потом много думал об этом.

Он возник над забором — сначала голова в кепке, потом плечи в майке-алкоголичке, потом рука, которой он опёрся на штакетник с той стороны.

— Вы новенький, — сказал сосед. Это был не вопрос. — Я Валерий Палыч. Двести двенадцатый. Сразу скажу про забор.

— Здравствуйте, — сказал я. — Артём. Что про забор?

Валерий Палыч был мужчиной лет шестидесяти, коренастым, загорелым до цвета старой мебели, с усами, которые

носили, наверное, ещё в восьмидесятые, и с животом, в котором чувствовалась не слабость, а основательность. Он смотрел на меня с выражением человека, который давно ждал этого разговора и теперь собирался провести его по всем правилам.

— Забор стоит неправильно, — сказал Валерий Палыч.

— В каком смысле?

— В прямом. Он заходит на мою территорию. На тридцать сантиметров. Вот отсюда, — он показал на угол у сарая, — и вот досюда, — он показал на изгиб забора, тот самый, огибающий невидимое. — Тридцать сантиметров на всю длину. Это почти два квадратных метра. Моих.

— Я сегодня купил, — сказал я. — Я не знаю, где граница.

— Я знаю, — сказал Валерий Палыч. — Я двадцать три года знаю. Ваш прежний, Николай Степанович, тоже знал. Мы с ним двадцать три года про это говорили.

— И что он говорил?

— Говорил, что забор знает, где стоять, — сказал Валерий Палыч с отвращением. — Двадцать три года одно и то же. «Забор знает». Забор ничего не знает. Забор — это доски. А граница — это кадастр.

Я вспомнил старика в МФЦ. «Вы забор не трогайте. Он знает, где стоять».

— И что вы предлагаете? — спросил я.

— Межевание, — сказал Валерий Палыч торжественно, как произносят слово «референдум». — Вызываем кадаст-

рового инженера. Он меряет. Ставим забор по кадастру. Справедливо.

— Хорошо, — сказал я. Я был готов на что угодно, лишь бы вернуть те сорок минут тишины. — Давайте вызовем.

Валерий Палыч посмотрел на меня с подозрением. Видимо, за двадцать три года он привык к другой реакции.

— Вы серьёзно?

— Серьёзно. Если забор стоит неправильно — его надо поставить правильно. Это же просто баг. Нашли — исправили.

— Баг, — повторил Валерий Палыч, пробуя слово на вкус. Слово ему, кажется, не понравилось, но он решил его принять. — Ладно. Я позвоню Пятакову. Это инженер. Он у нас всех меряет. Только он не быстро. У него очередь.

— Сколько?

— Месяц, — сказал Валерий Палыч. — Может, два. Июль — сезон. Все меряются.

Он помолчал. Потом добавил, уже мягче, почти по-соседски:

— А так вы ничего. Николай Степанович тоже был ничего. Только упрямый. А вы, видно, сговорчивый.

— Наверное, — сказал я.

— Это плохо, — сказал Валерий Палыч неожиданно. — Здесь сговорчивых не любят. Здесь любят, чтобы стояли на своём. Ну, вы поймёте.

Он кивнул мне, оттолкнулся от забора и исчез за ним. Че-

рез минуту с его участка снова заиграл шансон.

* * *

Через два часа меня добавили в чат.

Я узнал об этом, когда телефон, который я старательно игнорировал с самого утра, вдруг завибрировал на столе подряд раз двадцать. Я посмотрел на экран. Мессенджер. Новая группа. Название: «СНТ Рассвет ОФИЦИАЛЬНЫЙ (только по делу!!!)». Участников: 412. Добавил меня администратор группы с аватаркой в виде того самого жёлтого солнца над грядкой.

Я открыл чат. Последние двадцать сообщений пришли за последние три минуты.

Администрация СНТ Рассвет: Уважаемые садоводы! Приветствуем нового собственника участка № 213 (7 линия) Воронова Артёма Сергеевича. Просим ознакомиться с Уставом и правилами внутреннего распорядка (закреплено). Напоминаем о необходимости оплаты членских и целевых взносов.

Галина 45 уч.: Добро пожаловать!!! ❀❀❀

Валентина Ивановна 3 уч.: Добро пожаловать. А Николай Степанович куда уехал?

Сергей 188: Добро пожаловать. Кто опять жжёт мусор на 9 линии??? Дышать невозможно

Тамара 301: Добро пожаловать! Артём, вы не программист случайно? У меня телевизор не показывает

Геннадий Карпович 77 уч.: Добро пожаловать. Довожу

до сведения нового собственника, что действующее правление не отчитывается о расходовании целевых средств уже 17 лет. Приглашаю на собрание инициативной группы в субботу в 18:00 у пожарного водоёма.

Администрация СНТ Рассвет: Геннадий Карпович, просим не использовать официальный чат для агитации.

Геннадий Карпович 77 уч.: Это не агитация. Это информирование.

Сергей 188: МУСОР!!! 9 ЛИНИЯ!!!

Лилия Дачный Лайфстайл 156: Добро пожаловать, Артём! Если захотите — приходите ко мне на эфир, расскажете, как айтишник выбирает дачу. У нас 300к подписчиков ;))

Валентина Ивановна 3 уч.: Так куда уехал Николай Степанович?

Михалыч (охрана): Николай Степанович уехал. Не беспокойте человека.

Я пролистал вверх. Чат существовал семь лет. За семь лет в нём накопилось, по моей грубой оценке, около миллиона сообщений. Это больше, чем было в нашем рабочем канале по инцидентам за всё время его существования. Среди них были объявления о сборе денег, фотографии кабачков, жалобы на соседей, споры о графике полива, поздравления с праздниками, соболезнования, рекламные предложения навоза («Конский, перепревший, 3 года, самовывоз»), политические дискуссии, которые администрация удаляла через пятнадцать минут, и — по моим подсчётам — двести восем-

надцать раз вопрос «Кто опять жжёт мусор?».

Я хотел выйти из чата. Палец уже лежал на кнопке.

Потом я подумал, что, если выйду в первый же день, на сороковой минуте об этом будет знать всё СНТ, и решил подождать. Это было второй ошибкой в моей архитектуре. Но её я заметил ещё позже.

* * *

Квитанция ждала меня в почтовом ящике на калитке. Я даже не знал, что на калитке есть почтовый ящик, — он был прибит изнутри, жестяной, синий, с облупившейся надписью «ПОЧТА», — пока не услышал, как в нём что-то шуршит.

Это был листок формата А5, отпечатанный на матричном принтере, — я не видел таких распечаток лет двадцать: точечный шрифт, чуть смазанный, с характерными полосками от выработанной ленты.

СНТ «РАССВЕТ»

ИЗВЕЩЕНИЕ

Собственнику уч. № 213 Воронову А. С.

Членский взнос за 2026 г. — 12 000 руб.

Целевой взнос «На ремонт дороги» — 4 500 руб.

Целевой взнос «На ремонт насосной станции» — 3 200 руб.

Целевой взнос «На охрану» — 2 400 руб.

Задолженность прежнего собственника по целевому взносу «На ремонт дороги» за 2009–2025 гг. — 0 руб. (погашена в полном объёме)

ИТОГО К ОПЛАТЕ: 22 100 руб.

Оплата — в правлении (сб., вс. с 10:00 до 14:00) или на расчётный счёт СНТ.

Председатель правления З. П. Кулешова

Я перечитал строчку про дорогу. Целевой взнос «На ремонт дороги» за 2009–2025 годы. Семнадцать лет. Николай Степанович семнадцать лет платил на ремонт дороги. Наверное, платили и все остальные. Четыреста двенадцать участков, если верить чату. По четыре с половиной тысячи в год. Это...

Я машинально посчитал. Около тридцати миллионов рублей за семнадцать лет. С поправкой на инфляцию — больше.

Я вспомнил дорогу, по которой ехал сегодня. Колеи в полколеса. «Лежачие полицейские» из шпал.

За тридцать миллионов рублей можно было заасфальтировать эту дорогу, по моим прикидкам, раза три. С освещением.

Я положил квитанцию на стол в домике и долго на неё смотрел. Профессиональная деформация — это когда видишь аномалию в данных и не можешь перестать о ней думать. В нашей команде это называлось «зацепиться за метрику». Я зацепился.

Это было третьей ошибкой.

* * *

Вечером я пошёл гулять. Мне хотелось посмотреть, где я оказался, — не на карте, а ногами.

«Рассвет» был больше, чем казалось. Двенадцать линий, пересечённых тремя поперечными аллеями, которые в чате без всякой иронии называли «проспектами». На пересечении центральной аллеи с шестой линией стояло правление — одноэтажный кирпичный домик с крыльцом, доской объявлений и табличкой «Правление СНТ „Рассвет“. Часы приёма: сб., вс. 10:00–14:00». Окна правления были тёмными. На двери висел большой амбарный замок.

Доска объявлений была заклеена в несколько слоёв. «Продается навоз». «Пропала кошка Муся, трёхцветная, отзывается на „Муся“ и на шорох пакета». «Внимание! График полива на июль (см. ниже)». «Собрание инициативной группы — сб. 18:00, пожарный водоём. Явка обязательна для всех, кому не безразлична судьба СНТ!» — от руки, крупными буквами, с подписью «Г. К. Сморода, уч. 77». Поверх этого объявления кто-то аккуратно приклеил другое, отпечатанное на том же матричном принтере: «Правление напоминает: размещение объявлений на доске без согласования с правлением запрещено (п. 4.7 Правил внутреннего распорядка)».

Рядом с правлением, на небольшом пригорке, стояла водонапорная башня. Старая, кирпичная, круглая, с металлическим баком наверху, выкрашенная когда-то в белый цвет. На баке краской было выведено: «РАССВЕТ 1957». Под башней был виден вход — низкая металлическая дверь, наполовину ушедшая в землю, с тяжёлым засовом и ещё одним амбарным замком.

Я постоял у башни. Она гудела — едва слышно, на очень низкой ноте, на которой гудят трансформаторы и серверные стойки. Я поймал себя на том, что прислушиваюсь к этому гулу с профессиональным интересом: какое оборудование может так гудеть в старой водонапорной башне на дачах?

Потом я решил, что это насос. Разумное объяснение.

* * *

На обратном пути, на первой линии, я увидел старуху.

Участок номер один был самым маленьким из всех, что я видел, и самым старым. Забор — низкий, по колено, из тонких серых штакетов, совсем без краски, такой ветхий, что казалось, он держится только потому, что так привык. За забором — домик размером с будку Михалыча, крытый толем. Яблони — пять или шесть, огромные, корявые, с ветками до земли, усыпанные мелкими зелёными яблоками. И грядки — ровные, аккуратные, без единого сорняка.

Старуха сидела на корточках у грядки и полола. Маленькая, сухая, в платке и вылинявшем халате. Ей было, наверное, лет девяносто. Руки двигались медленно, но точно: травинка — в сторону, травинка — в сторону.

Я остановился у забора. Не знаю зачем. Просто что-то в этой картине — маленькая старуха, огромные яблони, тонкий серый забор — заставило меня остановиться.

Старуха подняла голову. Глаза у неё были мутные, почти белые — катаракта, подумал я, — но смотрели прямо на меня.

— Двести тринадцатый, — сказала она. Голос был тихий, ровный, как шелест листьев.

— Да, — сказал я. — Здравствуйте. Артём.

— Анна Фёдоровна, — сказала она. — Нюра. Меня все бабой Нюрой зовут.

Она снова опустила голову к грядке. Травинка — в сторону. Травинка — в сторону.

— Забор не трогай, — сказала она, не поднимая глаз.

Я замер.

— Мне это уже говорили сегодня. Дважды.

— Значит, правильно говорили, — сказала баба Нюра. — Николаша знал. Я ещё отцу его в пятьдесят седьмом сказала. Когда ставили.

— В пятьдесят седьмом? — переспросил я. — Вы здесь с пятьдесят седьмого?

— С самого первого дня, — сказала баба Нюра. — Мы здесь всё ставили. Заборы, башню, яблони. По плану. Каждый забор по плану. Где какой стоять.

— По чьему плану?

Баба Нюра не ответила. Травинка — в сторону. Травинка — в сторону. Потом она выпрямилась, медленно, придерживаясь рукой за поясницу, и посмотрела на меня своими белыми глазами.

— Иди, сынок, — сказала она. — Поздно уже. Михалыч скоро шлагбаум закроет. Ты теперь наш. Привыкай.

* * *

Ночью я не мог заснуть.

Домик был тесный — одна комната, печка, продавленный диван, стол, два стула, буфет с чужой посудой. Пахло деревом, пылью, старыми газетами и чем-то сладким, может быть, яблоками из прошлогодних запасов, которые Николай Степанович забыл в подполе. За окном было совсем темно — фонарей в «Рассвете» не было, кроме одного, у правления, и одного у шлагбаума. Звёзды были яркие, как на заставке старого компьютера.

Я лежал и слушал.

Где-то далеко лаял Пират — коротко, через равные промежутки, как будто отсчитывал время. Где-то стрекотали кузнечики. Где-то на соседнем участке Валерий Палыч выключил наконец шансон, и стало слышно, как он храпит, — через два забора, через открытое окно. На пятой линии кто-то спорил — мужской голос и женский, я не мог разобрать слов, только интонацию: «а я тебе говорил», «а ты меня никогда не слушаешь». И над всем этим — едва различимый, на самом краю слуха, низкий гул водонапорной башни.

Я лежал и думал, что тишины здесь нет. Здесь есть что-то другое. Какой-то постоянный, медленный, многоголосый процесс, в котором каждый участок что-то сообщает остальным, а остальные слушают и отвечают. Как в распределённой системе, где узлы непрерывно обмениваются сообщениями, чтобы договориться о том, какое сейчас состояние мира.

Я подумал, что это красивая метафора и что завтра на-

до будет записать её в заметки. Потом подумал, что я здесь, чтобы *не думать* метафорами из работы. Потом заснул.

* * *

Утром, когда я пил растворимый кофе на крыльце, я заметил, что в сарае что-то белеет.

Сарай был заперт на ржавую щеколду, которую я вчера даже не трогал. Сейчас дверь была чуть приоткрыта — может быть, ветер, — и в щели виднелся белый прямоугольник, приколотый кнопкой к внутренней стороне двери.

Я подошёл и открыл дверь.

Сарай был пуст — пара лопат, грабли, ржавая тачка, моток проволоки, банки с засохшей краской. А на двери изнутри, на уровне глаз, кнопкой был приколот листок. Тетрадный, в клетку, пожелтевший. Почерк — крупный, аккуратный, старомодный, с наклоном, каким учили писать в советских школах.

Новому хозяину уч. № 213.

1. Забор не трогать. Ни под каким видом. Он стоит по плану.

2. Взносы платить. Все. Даже если кажется, что их воруят. Особенно если кажется.

3. На собрания ходить.

4. Если позовут в правление — не отказываться. Если позовут в председатели — подумать. Крепко подумать.

5. Бабу Нюру слушать.

6. Яблоню поливать. Это первая яблоня на 7-й линии.

1957 г.

Н. С. Ермолов, уч. 213, 1994–2026

Я стоял в пустом сарае с листком в руках и перечитывал пункт четвёртый. «Если позовут в председатели — подумать».

Я купил шесть соток, чтобы побыть одному. Я приехал сюда, чтобы ничего не делать. Я не собирался ходить на собрания, вступать в правление и тем более становиться председателем.

Я сложил листок вчетверо и сунул в карман — сам не знаю зачем. Потом вышел из сарая, взял ведро, набрал воды из бочки под водостоком и полил яблоню. Медленно, тщательно, пока земля вокруг ствола не потемнела.

Яблоня стояла неподвижно, корявая, огромная, старше меня в два раза. На ней висели мелкие зелёные яблоки. Ей было всё равно, кто её поливает. Она знала, где стоять.

Телефон в кармане завибрировал. Чат СНТ. Тридцать семь новых сообщений.

Последнее было от администрации:

Администрация СНТ Рассвет: Уважаемые садоводы! Напоминаем, что сегодня — день полива для нечётных участков. Чётные участки, просим воздержаться. Нарушители будут отключены от водоснабжения в соответствии с решением общего собрания от 14.05.1987.

Я посмотрел на ведро в руке. Потом на номер участка на калитке. Двести тринадцать. Нечётный.

Мне повезло. На этот раз.

Глава 2. Взносы

Правление открывалось в субботу в десять. В половине десятого у крыльца уже стояла очередь.

Я пришёл за полчаса до открытия и рассчитывал быть первым: я считал, что очередь в правление дачного товарищества — это фигура речи. Она оказалась вполне материальной: человек двадцать, в основном женщины за шестьдесят, в панамах, косынках и соломенных шляпах, с папками, файлами и полиэтиленовыми пакетами, в которых угадывались квитанции, выписки и, судя по форме, банки с огурцами. Очередь стояла молча, сосредоточенно, с тем особым выражением лиц, которое я видел только в двух местах: в очереди в МФЦ и в очереди на посадку в лоукостер.

— Вы за кем? — спросила меня женщина в фиолетовой панаме.

— Я последний, — сказал я.

— Последний — это я, — сказала женщина строго. — Вы за мной. А за вами будет Сергей Петрович, он отошёл.

— А где он?

— Отошёл, — повторила женщина, и я понял, что вопрос был лишним.

Через полчаса я знал об очереди всё. Женщина в фиолетовой панаме — Галина, участок сорок пять, та самая, что написала в чате «Добро пожаловать» с тремя тюльпанами.

Перед ней — Валентина Ивановна с третьего участка, которая продолжала выяснять, куда уехал Николай Степанович, и теперь спрашивала об этом у меня. Ещё дальше — супружеская пара с десятой линии, которые пришли оспаривать штраф за сжигание мусора и по дороге поссорились, кто именно из них жёг. Ещё дальше — мужчина, который хотел узнать, можно ли поставить на участке ветряк. Ещё — женщина, которая хотела узнать, можно ли запретить соседу ставить ветряк.

Никто не пришёл платить. Все пришли выяснять.

* * *

В десять ноль-ноль дверь правления открылась, и на крыльцо вышла Зинаида Петровна Кулешова.

Я много раз видел её фамилию — на квитанции, в чате, на объявлениях. Я представлял себе кого-то вроде грозной вахтёрши из советского кино: крупную, громкую, с химической завивкой. Зинаида Петровна оказалась маленькой. Очень прямой, как будто внутри у неё был стальной стержень, в сером костюме с юбкой ниже колена, в белой блузке с брошью, с седыми волосами, убранными в аккуратный пучок. Очки на цепочке. Лицо — сухое, с глубокими морщинами у рта, и глаза — серые, внимательные, усталые до самого дна.

Она оглядела очередь. Очередь затихла.

— Доброе утро, товарищи садоводы, — сказала Зинаида Петровна. Голос у неё был негромкий, но его слышали все,

как, наверное, слышали её голос сорок лет назад в школьном коридоре. — Приём начинается. По одному. Вопросы по существу. Жалобы на соседей — в письменном виде. Галина Николаевна, проходите.

Очередь двинулась.

* * *

Я попал внутрь в половине первого.

Правление состояло из одной комнаты. Деревянный пол, крашенный коричневой краской. Два окна с геранью. Стол — огромный, двухтумбовый, советский, с зелёным сукном под стеклом. Под стеклом — фотографии: чёрно-белые, цветные, выцветшие. Люди с лопатами на фоне ещё голого поля. Люди у только что поставленной водонапорной башни. Люди с флагами на каком-то празднике. Девушка в платке рядом с молодым саженцем.

На стене — карта. Не обычная схема СНТ, какие висят в любом правлении, а огромная, во всю стену, старая, на пожелтевшей бумаге, наклеенной на холст. Двенадцать линий, четыреста двенадцать участков, водонапорная башня, пожарный водоём. И заборы — каждый забор каждого участка был нарисован отдельной тонкой линией, тушью, с какими-то пометками и цифрами. В правом нижнем углу — штамп: «Генеральный план. Утверждён. 1957». И подпись, которую невозможно было разобрать.

Рядом с картой — шкаф с папками. На полке над шкафом — переходящее красное знамя с вышитыми золотом буква-

ми: «Лучшему садоводческому товариществу района. 1979». На подоконнике — электрический чайник, банка растворимого кофе и коробка рафинада.

А на столе, прямо перед Зинаидой Петровной, лежала книга.

Это была огромная книга — гроссбух в дерматиновом переплёте, бордовом когда-то, а теперь буром, с потёртыми углами, обклеенными изолентой. Толщиной сантиметров десять. Раскрытая где-то в последней трети. Страницы — разлинованные, исписанные разными почерками, разными чернилами: фиолетовыми, синими, чёрными, местами — карандашом. На корешке золотым тиснением, почти стёршимся: «КНИГА РЕШЕНИЙ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ. Том 1».

— Том первый? — спросил я, садясь на стул для посетителей.

Зинаида Петровна подняла на меня глаза поверх очков.

— Том первый, — сказала она. — Других нет. Здравствуйте, Артём Сергеевич.

— Здравствуйте. Как вы...

— Здесь все знают, — сказала Зинаида Петровна, и я понял, что эта фраза в «Рассвете» отвечает на любой вопрос, начинающийся со слова «как». — Вы пришли платить?

— Да. И у меня вопрос.

— Сначала платить, — сказала Зинаида Петровна. — Потом вопрос.

Я заплатил. Зинаида Петровна приняла деньги — налич-

ными, я заранее снял, — пересчитала их дважды, медленно, слюнявя палец, разложила по купюрам, выписала квитанцию от руки в квитанционной книжке с копиркой, оторвала верхний листок, отдала мне, нижний оставила себе. Потом открыла ещё одну книгу — уже не гроссбух, а обычную амбарную, потоньше, — и записала туда сумму, дату и номер участка. Потом закрыла её, убрала в ящик стола и заперла ящик на ключ.

Всё это заняло семь минут. Я засёк.

— Теперь вопрос, — сказала Зинаида Петровна.

* * *

Я положил на стол квитанцию — ту, первую, из почтового ящика.

— Здесь целевой взнос на ремонт дороги, — сказал я. — И задолженность прежнего собственника за семнадцать лет. Погашена.

— Николай Степанович был аккуратный плательщик, — сказала Зинаида Петровна.

— Я посчитал, — сказал я. — Четыреста двенадцать участков. По четыре с половиной тысячи в год — сейчас. Раньше меньше, но всё равно. За семнадцать лет набегает около тридцати миллионов рублей. Может, больше.

Зинаида Петровна смотрела на меня молча.

— Дорога не отремонтирована, — сказал я. — Я по ней ехал. Там колеи. Я не обвиняю. Я просто... — я замялся. — Я по профессии работаю с данными. Если в системе есть

расхождение между входом и выходом — я хочу понять, где оно. Это профессиональное.

— Профессиональное, — повторила Зинаида Петровна.

Она сняла очки, протёрла их краем блузки, снова надела. Посмотрела в окно, где на крыльце ждали своей очереди ещё человек десять.

— Артём Сергеевич, — сказала она. — Вы знаете, сколько раз мне задавали этот вопрос за семнадцать лет?

— Нет.

— Каждую субботу, — сказала Зинаида Петровна. — Иногда по два раза. Геннадий Карпович задаёт его в чате каждый день. С восклицательными знаками. Он считает, что я построила на эти деньги дом в Испании.

— А вы построили?

Зинаида Петровна посмотрела на меня так, что я пожалел о шутке.

— Я живу в двухкомнатной квартире в Дмитрове, — сказала она. — На пенсию учителя. Летом — здесь, на сто пятом участке, в домике, который строил мой покойный муж. У меня нет машины. У меня нет дома в Испании. У меня есть эта книга, эта карта и четыреста двенадцать участков, которые каждую субботу приходят спрашивать, куда делись деньги на дорогу.

— Так куда?

Она помолчала.

— Отчёт ревизионной комиссии висит на доске, — сказа-

ла она. — Там всё указано.

— Я читал, — сказал я. — Там сказано: «Целевые средства израсходованы на поддержание инфраструктуры СНТ в соответствии с решениями общего собрания». Это не ответ. Это формулировка.

— Это ответ, — сказала Зинаида Петровна. — Просто вы не умеете его читать.

Она встала. Разговор, судя по всему, был окончен.

— Следующий, — сказала она, глядя на дверь.

Я не встал.

— Зинаида Петровна, — сказал я. — Можно я посмотрю бухгалтерию? Не для того, чтобы кого-то обвинить. Я просто хочу понять. Если всё в порядке — я первый скажу об этом в чате. Мне поверят: я новенький, мне незачем врать.

Зинаида Петровна долго смотрела на меня. Потом — к моему удивлению — села обратно.

— Вы Николаю Степановичу кем приходитесь? — спросила она вдруг.

— Никем. Я купил у него участок.

— Он вам что-нибудь оставил?

Я подумал о листке в клетку, сложенном вчетверо, который всё ещё лежал у меня в кармане. «Взносы платить. Все. Даже если кажется, что их воруют. Особенно если кажется».

— Записку, — сказал я.

Зинаида Петровна чуть заметно кивнула, как будто ответ подтвердил что-то, что она и так знала.

— Приходите в среду, — сказала она. — Вечером. Когда здесь никого не будет. Покажу.

* * *

В среду в семь вечера правление было пустым. Зинаида Петровна сидела за своим столом, под картой, в том же сером костюме. Перед ней лежали три папки и амбарная книга. Книга решений лежала отдельно, на краю стола, закрытая.

— Садитесь, — сказала она. — Смотрите. Только ничего не фотографировать.

— Почему?

— Потому что я так сказала, — ответила Зинаида Петровна, и я сел.

Это была самая аккуратная бухгалтерия, которую я видел в жизни. Я видел бухгалтерию банков, корпораций и стартапов — в электронных таблицах на тысячи строк, в ERP-системах за миллионы долларов, в дашбордах с графиками в реальном времени. Ни одна из них не была такой аккуратной. Каждый рубль — на своём месте. Каждый приход — с номером квитанции. Каждый расход — с подписью получателя, печатью и номером решения общего собрания, на основании которого он сделан. Почерк — ровный, круглый, учительский. Ни одной пометки. Там, где была ошибка, — аккуратно зачёркнуто одной чертой, рядом исправлено, и подпись: «Исправленному верить. З. К.».

Я листал. Взносы — приход. Электричество за общие нужды — расход. Вывоз мусора — расход. Зарплата сторожа

— расход. Ремонт крыши правления — расход. Капитальный ремонт насоса в 2014 году — расход, с номером решения общего собрания и чеком из магазина в Дмитрове, вклеенным на страницу.

И целевой взнос на дорогу. Каждый год — приход. Около полутора миллионов в год, в последние годы — почти два.

А расходы по этому взносу шли по статье, которой я не ожидал увидеть.

Статья называлась просто: «Статья 0».

Каждый год, в конце декабря, на неё уходила почти вся сумма, собранная «на дорогу». Одной строкой. Без чеков, без подписей получателя. Только номер решения общего собрания — один и тот же каждый год: «Реш. ОС № 1 от 12.04.1957».

— Что такое Статья ноль? — спросил я.

Зинаида Петровна не ответила. Она сидела, сложив руки на столе, и смотрела на меня.

— Решение общего собрания номер один, — сказал я. — От двенадцатого апреля пятьдесят седьмого года. Это же самое первое решение. Когда основали СНТ.

— Да.

— Что в нём?

Зинаида Петровна долго молчала. Потом протянула руку и положила ладонь на обложку Книги решений — так, как кладут руку на голову ребёнку.

— Там написано, — сказала она наконец, — что часть

средств товарищества ежегодно направляется на поддержание объекта номер один. Без указания, что это за объект. И что эти расходы не подлежат раскрытию на общем собрании.

— Объект номер один — это что?

— Не знаю, — сказала Зинаида Петровна.

Я посмотрел на неё. Она не отвела глаз.

— Вы тридцать один год председатель. И вы не знаете, на что уходят деньги?

— Я знаю, куда они уходят, — сказала Зинаида Петровна.

— В конце декабря я снимаю их со счёта, кладу в конверт и отношу. Это всё, что я знаю. Мне так передал предыдущий председатель, Пётр Ильич. Ему — его предшественник. Так было всегда.

— Куда относите?

Она посмотрела в окно. За окном, на пригорке, в вечернем свете стояла водонапорная башня. «РАССВЕТ 1957». Гул от неё был слышен даже здесь, через стекло, — низкий, ровный, на самом краю слуха.

— Туда, — сказала Зинаида Петровна.

* * *

Я долго молчал.

— Вы относите тридцать миллионов рублей в водонапорную башню, — сказал я наконец.

— Не тридцать сразу, — сказала Зинаида Петровна. — По полтора-два в год. В конверте. Кладу в ящик у двери. Ящик заперт, у меня ключ только от щели. Через неделю конверта

нет.

— Кто его забирает?

— Не знаю.

— Вы никогда не проверяли?

— Один раз, — сказала Зинаида Петровна. — В девяносто восьмом. Я тогда третий год была председателем, и мне всё ещё казалось, что это неправильно. В декабре девяносто седьмого я не положила конверт. А в июле девяносто восьмого провела через собрание решение: всё, что накопилось, — на дорогу. Пусть, думаю, наконец сделают.

— И что?

Зинаида Петровна чуть заметно поёжилась, как будто вспомнила что-то холодное.

— Через месяц в стране случился дефолт, — сказала она.

— Вы, наверное, не помните, вы были маленький.

— Помню, — сказал я. — Мне было восемь. Родители всю ночь считали доллары на кухне.

— В тот год в башне перестало гудеть, — сказала Зинаида Петровна. — На три недели. Тишина. Совсем. Я тогда впервые поняла, что она всегда гудела, — когда она замолчала. А потом я отнесла конверт. С процентами. И она загудела снова.

Я смотрел на неё. Она смотрела на меня. На лице у неё не было ни улыбки, ни смущения. Она говорила так, как говорят о погоде, о графике полива, о том, что пора менять насос.

— Зинаида Петровна, — сказал я осторожно. — Вы же

понимаете, что это совпадение? Дефолт был из-за... из-за долгов, пирамиды ГКО, азиатского кризиса. Экономисты потом всё объяснили.

— Экономисты всегда потом всё объясняют, — сказала Зинаида Петровна. — Я двадцать пять лет преподавала историю, Артём Сергеевич. Я знаю, как это делается. Сначала что-то случается. Потом приходят и объясняют. Объяснения всегда разумные.

— Но это же действительно...

— Я не говорю, что это не совпадение, — перебила она. — Я говорю, что больше не проверяю. Двадцать восемь лет — не проверяю. Кладу конверт. Слышу от Геннадия Карповича: «Где деньги?!» Раньше — на собраниях, теперь — в чате. Каждый день. Двадцать восемь лет.

Она устало провела рукой по лицу.

— Вы хотели знать, где расхождение в данных, — сказала она. — Вот оно. Теперь вы знаете столько же, сколько я. Можете написать в чат. Вам поверят, вы новенький.

* * *

Я не написал в чат.

Я вышел из правления, когда уже стемнело. Пошёл не домой, а к башне. Обошёл её кругом. Кирпич был старый, тёмный, местами выкрошенный. Металлический бак наверху — ржавый, с потёками. Буквы «РАССВЕТ 1957» — подновлённые, явно не раз: краска лежала слоями, как на моём заборе.

Внизу, со стороны леса, была та самая дверь — низкая,

металлическая, наполовину ушедшая в землю. На ней — тяжёлый засов и амбарный замок. А рядом с дверью, на уровне груди, в кирпич был вмурован почтовый ящик. Старый, советский, чугунный, с гербом и надписью «ПОЧТА СССР». Узкая щель. Никакой дверцы снаружи.

Я приложил ладонь к кирпичу рядом с ящиком.

Кирпич гудел. Не звук — вибрация. Низкая, ровная, едва ощутимая, как у серверной стойки, если положить на неё руку. Я двенадцать лет клал руки на серверные стойки — проверял, не перегреваются ли, — и знал это ощущение лучше, чем собственный пульс.

Это был не насос. Насос гудит иначе — прерывисто, с толчками, с переменной нагрузкой. Это было что-то, что работало непрерывно, ровно, без перерывов, как работает только то, что спроектировано работать всегда.

Я стоял у башни и думал, что у меня есть разумное объяснение. Трансформатор. Старый советский трансформатор, который питает насосную станцию. Конверты забирает электрик из сетевой компании, который давно договорился с председателями. Деньги идут на взятку за то, чтобы СНТ не отключали за долги. Это всё объясняло. Это было разумно.

Я стоял и понимал, что не верю в своё разумное объяснение. Впервые в жизни.

* * *

На обратном пути, на седьмой линии, у моей калитки, меня ждал человек.

Он стоял, опираясь на забор, в темноте, и я сначала увидел только огонёк сигареты. Потом — силуэт: крупный, плотный, коротко стриженный, в армейском бушлате, несмотря на июль.

— Воронов? — спросил силуэт.

— Да.

— Сморода. Геннадий Карпович. Семьдесят седьмой участок.

Он не протянул руки. Он стоял, курил и смотрел на меня тяжёлым взглядом человека, который привык, что перед ним встают по стойке смирно.

— Вас видели в правлении, — сказал Сморода. — В среду. Вечером. Когда приёма нет.

Сорок минут, подумал я. Это заняло у «Рассвета» сорок минут.

— Я смотрел бухгалтерию, — сказал я.

— И что?

— Всё аккуратно.

— Аккуратно, — повторил Сморода с отвращением. — Аккуратно. Тридцать миллионов на дорогу, которой нет, — это аккуратно?

— Я не говорил, что дороги нет. Я говорил, что бухгалтерия аккуратная.

— Это одно и то же, — сказал Сморода. — Когда воруют аккуратно — это и есть самое страшное воровство. Неаккуратных ловят. Аккуратных — никогда.

Он бросил сигарету на землю и раздавил её сапогом. Потом посмотрел на меня снова, и взгляд у него стал другим — оценивающим.

— Вы программист, — сказал он. — Говорят, вы с цифрами работаете. С данными.

— Да.

— В субботу у пожарного водоёма собрание инициативной группы. В шесть. Приходите. Нам нужен человек, который разбирается в цифрах. Мы тридцать лет кричим, что она ворует, — и никто не верит, потому что мы кричим. А вам поверят. Вы спокойный. Вы новенький.

Это был третий раз за неделю, когда я слышал: «Вам поверят, вы новенький», — если считать и тот, когда я сказал это сам. Я начинал понимать, что быть новеньким в «Рассвете» — это не статус. Это ресурс. И за этот ресурс уже началась борьба.

— Я подумаю, — сказал я.

— Подумайте, — сказал Сморода. — Только недолго. Через полтора месяца — общее собрание. Зинаида уходит.

— Она уходит?

Сморода усмехнулся — первый раз за весь разговор.

— Ещё не объявила, — сказал он. — Но уходит. Ей семьдесят четыре. Она устала. Я её сорок лет знаю, я вижу. В августе будут выборы. А на выборах, Воронов, побеждает тот, у кого цифры.

Он развернулся и ушёл в темноту, тяжело ступая по грун-

товке. Где-то далеко, у шлагбаума, коротко гавкнул Пират — один раз, как будто поставил точку.

* * *

Дома я долго сидел за столом при свете настольной лампы и смотрел на два листка.

Первый — квитанция. «Целевой взнос „На ремонт дороги“ за 2009–2025 гг. — погашена в полном объёме».

Второй — записка Николая Степановича. «2. Взносы платить. Все. Даже если кажется, что их воруют. Особенно если кажется».

Я перечитывал второй пункт и думал, что Николай Степанович знал про Статью ноль. Знал и платил. Тридцать два года. Каждый год, полностью, без задолженностей. Аккуратный плательщик.

Почему?

Я открыл ноутбук. Интернета на участке почти не было — одна полоска, и та пропадала, если отойти от окна. Я сел у окна, поймал полоску и вбил в поиск: «СНТ Рассвет Дмитровский район 1957».

Поиск выдал три результата. Объявление о продаже участка — моего, старое, ещё не снятое. Страница СНТ на сайте районной администрации — пустая, с одной фотографией водонапорной башни. И статья из районной газеты за 2007 год: «Старейшему садовому товариществу района — 50 лет». Я открыл её.

Статья была короткой, в духе районных газет: юбилей,

торжественное собрание, грамоты передовикам, фотография Зинаиды Петровны — моложе на двадцать лет, но с тем же пучком и той же брошью. И один абзац, который я перечитал три раза:

«Любопытно, что, по воспоминаниям старожилов, товарищество было основано по особому решению, принятому не в районе и даже не в области, а в Москве. Первые участки получили не рабочие местного завода, как было принято, а люди из самых разных концов страны, приехавшие по направлению. Генеральный план товарищества, разработанный, как утверждают, в одном из столичных институтов, до сих пор хранится в правлении и, по словам председателя З. П. Кулешовой, „является уникальным документом“. На вопрос, чем именно он уникален, председатель ответила: „Тем, что по нему до сих пор всё стоит“».

Я закрыл ноутбук.

За окном было темно. Гудела башня. Где-то на соседнем участке храпел Валерий Палыч. На пятой линии снова кто-то спорил — тот же мужской голос и тот же женский: «а я тебе говорил», «а ты меня никогда не слушаешь».

Я лёг на продавленный диван и долго смотрел в потолок. Потом встал, вышел во двор и полил яблоню. Без всякой причины. Просто мне показалось, что так надо.

Сегодня был чётный день. Я вспомнил об этом, только когда ведро было уже пустым.

Утром в чате было сообщение:

Администрация СНТ Рассвет: Уважаемые садоводы! Зафиксировано нарушение графика полива на 7-й линии (уч. 213) в ночь со среды на четверг. Первое нарушение — предупреждение. Повторное — отключение от водоснабжения на 7 дней в соответствии с решением общего собрания от 14.05.1987.

Под сообщением было двадцать три реакции. Восемнадцать — «палец вверх». Четыре — «злое лицо». Одна — от Михалыча — «яблоко».

Я так и не понял, как они узнали. Вода была из бочки.

Глава 3. Вода

В любой распределённой системе рано или поздно находится ресурс, которого на всех не хватает. В дата-центре это обычно сеть: процессоров можно докупить, дисков можно докупить, а канал между стойками один, и, когда в него одновременно ломятся все, он не расширяется, а встаёт. Мы называли это «бутылочным горлышком» и проводили совещания о том, как его расширить. Расширить его было нельзя. Можно было только договориться, кто и когда в него пролезает.

В СНТ «Рассвет» бутылочным горлышком была труба.

Одна труба диаметром сто миллиметров, проложенная в пятьдесят седьмом году от насосной станции у пожарного водоёма вдоль центральной аллеи, с ответвлениями на двенадцать линий. Чугунная, местами заменённая на пластик, местами — на что-то, что лучше не знать. Насос качал воду из скважины глубиной сорок метров, гнал её в трубу, и труба разносила её по четырёмстам двенадцати участкам, где четыреста двенадцать шлангов ждали своей очереди, как четыреста двенадцать клиентов ждут ответа от одного перегруженного сервера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.